

Николаю Ивановичу Лапину – 85!

Уважаемый Николай Иванович!

***Поздравляем Вас с юбилеем, желаем доброго здоровья,
благополучия и дальнейших творческих свершений!***

**ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ,
ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ***

Н.И. ЛАПИН

Модернизация как цивилизационный процесс

В российском обществе и науках о нем все еще бытуют представления о модернизации как регулируемом сверху процессе, который имеет догоняющий характер и начинается с радикальных изменений политических институтов. Такие представления возникли и закрепились в первой половине XX в. Тогда они были достаточно реалистичны. Но к началу XXI в. модернизационные процессы в мире и России существенно изменились. Ныне эти процессы распространились почти на все страны мира, а модернизация представляет собой преимущественно естественно-исторический переход стран (государств), обществ, цивилизаций к новым способам создания основных средств жизнедеятельности людей, к более высокому ее качеству. В настоящее время большинство стран и локальных цивилизаций находятся на первой, индустриальной стадии модернизации, наиболее развитые страны вступили во вторую, информационную ее стадию, а многие страны, включая Россию, одновременно осуществляют обе стадии.

Я понимаю модернизацию как комплексное изменение не только общества, но и цивилизации¹. Это глубокое изменение основных их сфер: производственно-технической (технологические уклады производства), социоэкономической (характеристики экономики, погруженной в общество), социокультурной (взаимопроникающее единство культуры и социума), институционно-регулятивной (политические, экономические и иные институты, регулируемые соответствующими органами управления, прежде всего государственными). Соответственно, я выделяю процессы изменения каждой из этих сфер как *главные компоненты* модернизации. Изменяются также соотношение этих сфер между собой и роль каждой из них в жизни общества и цивилизации, в обеспечении безопасности страны, в повышении благополучия и качества жизни населения. Так, переход к информационной стадии модернизации означает значительное повышение роли информационных технологий и сферы услуг, их вклада в ВВП страны по сравнению с материальными секторами экономики.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10178).

Эти изменения вызываются новыми потребностями и интересами людей и их сообществ (малых и больших), которые действуют, чтобы улучшить способы деятельности, условия и качество своей жизни. *Это продуктивная деятельность, которая представляет собой открытую инновационную систему.* Способы и результаты этой деятельности распространяются все шире, обеспечивая удовлетворение вызвавших ее потребностей. Люди осуществляют ее инициативно или вынужденно, спонтанно или регулируемо, а изменения происходят равномерно или неравномерно в странах и между ними, согласованно или рассогласованно между ее компонентами.

В настоящее время в России существуют явные рассогласованности между главными компонентами модернизации. В результате обвальная деиндустриализация 90-х гг. сохраняется значительное отставание технико-технологической сферы (прежде всего обрабатывающих отраслей) от потребностей воспроизводства и развития социоэкономической и социокультурной сфер. Оно в свою очередь обуславливает отставание собственно экономической сферы общества от потребностей быстро меняющейся социальной сферы, прежних социальных и новых социокультурных страт, всего населения. Преодолению этого отставания не соответствует низкое качество институционно-регулятивной сферы. Кроме того, наблюдается несбалансированность (нередко разбалансированность) уровней *основных составляющих* модернизации социума – собственно экономической, социальной и когнитивной сфер его жизни.

Существует немало исследований этих проблем и порождающих их факторов, структур, процессов. Но остаются малопроясненными эпистемологические (гносеологические, теоретико-познавательные) их характеристики. Это сдерживает изучение особенностей российской модернизации и конструктивную разработку способов повышения ее эффективности. В настоящей статье автор намерен хотя бы частично восполнить этот пробел и рассмотреть ключевые эпистемологические характеристики проблемного поля модернизации, основные подходы к его изучению.

Объективно-субъективный характер проблемного поля русской модернизации

Рассогласованности, несбалансированности по вертикали (структур, уровней) и по горизонтали (между территориями, регионами) социокультурного пространства России свидетельствуют о спонтанном и фрагментарном осуществлении модернизации, а также о разных интересах ее социальных субъектов. Они вызывают опасные социальные напряжения, конфликты на муниципальном, региональном и федеральном уровнях, экологические опасности и риски. Одновременно наблюдается низкий уровень *взаимопонимания* между социальными субъектами русского общества (сходного восприятия смыслов

участниками коммуникационного процесса как условия ожидаемо согласованного их взаимодействия), также чреватый латентными и явными конфликтами, подчас весьма опасными для целостности Российской Федерации.

Объективные рассогласованности, несбалансированности и субъективные различия интересов, взаимные непонимания, конфликты социальных акторов взаимно сопряжены и образуют *объективно-субъективное проблемное поле* — латентную сеть рефлексивных взаимодействий между социальными субъектами, в которой возникают как стабилизирующие, так и взрывоопасные узлы. Вместе с тем в профессиональном и публичном дискурсе отсутствует четкое представление о латентном существовании такой сети, о многих ее узлах, не говоря об их причинах, возможностях и способах профилактического «снятия» взрывоопасности ее узлов. Это существенный субъективный фактор, который препятствует решению тех масштабных задач в сфере безопасности и социальном развитии, о которых сказано в Послании Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г. и в новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации².

Следовательно, **основная проблема** исследуемого объекта включает двойное противоречие, или взаимосвязь двух противоречий: с одной стороны, опасная рассогласованность главных компонент модернизации, а с другой — взаимное непонимание между индивидами и социокультурными стратами общества, недоверие населения институтам власти, кроме Президента. **Вопрос:** какой характер имеет взаимосвязь между этими противоречиями — это детерминация, коэволюция или иная связь?

В итоге, проблемное поле современной модернизации можно рассматривать как *постклассическое*. Прежде всего, его предметное содержание существенно отличается от предмета в классической концепции модернизации Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера и их многочисленных последователей, поскольку не ограничивается трансформацией общества традиционного типа в современное (*modernity*), а рассматривает эту трансформацию лишь как первую, индустриальную стадию модернизации, вслед за которой уже в 70-е гг. XX в. началась вторая, информационная ее стадия, отнюдь не последняя. Кроме того, в отличие от многочисленных теорий модернизации, которые появились в середине XX в. и, опираясь на классическую концепцию, конструировали для развивающихся стран направляемую государством «догоняющую модернизацию», новая концепция интерпретирует модернизацию как преимущественно естественно-исторический переход цивилизаций, цивилизованных обществ к новым способам создания основных средств жизнедеятельности людей, обладающей новыми качествами. Этот процесс может осуществляться как целенаправленно, сверху, так и спонтанно, снизу, а также частично регулироваться, сочетая целенаправленные и спонтанные воздействия. Фактически

способ модернизации зависит от конкретных исторических условий, в том числе от субъективных факторов не только в объекте, но и в сфере управления, где их роль очень велика. В результате проблемное поле *российской модернизации* предстает как во многом спонтанное объективно-субъективное поле, существенно различающееся в разных регионах и частично регулируемое. Его изучение требует адекватных подходов и методов — как классических, так и постклассических.

Деятельностный, системный и социокультурный подходы к изучению модернизации

Таким образом, модернизация представляет собой прежде всего совокупность процессов и результатов деятельности множеств людей страны, общества, цивилизации. Очевидно, понятие «деятельность» следует принять в качестве такой предельной абстракции, которая адекватна изучаемому объекту и позволяет выделить в нем совокупность предметов для конкретного их изучения. Как показал выдающийся российский философ и методолог Э.Г. Юдин, это понятие полифункционально: оно может выступать и как объяснительный принцип, и как предмет изучения, предмет управления, предмет проектирования и как ценность³. Его применение как объяснительного принципа в сочетании с другими его функциями позволяет интерпретировать его как *деятельностный подход*, который следует конкретизировать в соответствии с особенностями объекта и задачами его изучения.

Переходя к такой конкретизации, необходимо обратить внимание прежде всего на то, что сущность модернизации составляет *продуктивная деятельность*. В отличие от репродуктивной деятельности, направленной на «получение уже известного результата известными же средствами», продуктивная деятельность «связана с выработкой новых целей с помощью новых средств... Различие в соотношении продуктивного и репродуктивного компонентов деятельности определяет различие типов культуры (в так называемых “традиционных” цивилизациях деятельность является почти исключительно репродуктивной...)»⁴. Взаимосвязь двух противоположных типов деятельности осуществляет инновационная деятельность, а ее организационной формой служит *нововведение*: на его начальных стадиях (старт, быстрый рост, зрелость) возникает и реализуется продуктивная деятельность как нечто уникальное, а на следующих стадиях (насыщение, финиш) она становится массовой, рутинизируется. Различаются простое и расширенное воспроизводство инновационного процесса⁵. Инновационно-деятельностное содержание модернизации делает ее открытой, саморазвивающейся системой.

Вместе с тем модернизация представляет собой социокультурный процесс, социальные и культурные параметры которого взаимопроникают друг друга. Это соответствует исходному принципу *социокультурного подхода* и побуждает рассматривать его в качестве базовой

конкретизации деятельностного подхода, в его современной или постклассической, антропно-деятельностной интерпретации. Разрабатывая такую его интерпретацию, я выделил следующие принципы: 1) противоречивость функций социального действия, обусловленная многомерностью человека как био-социо-культурного существа, специфику которого составляет способность к творческой, продуктивной деятельности (К. Маркс, М. Вебер, Г.С. Батищев, Э.Г. Юдин); 2) паритетность и взаимопроникновение культуры и социальности (П. Сорокин); 3) неполнота антропосоциетального соответствия, или неполная совместимость личностно-поведенческих характеристик человека как социализированного актора (личности) и характеристик социума, возможность их противостояния; 4) неустойчивость антропосоциетального равновесия, или «баланса между заинтересованностями акторов в увеличении своего удовлетворения и в минимизации отсутствия удовлетворения» (Парсонс); 5) бинарность социетальных процессов и взаимобратимость их влияния на динамику общества⁶.

На основе такого, по сути, социокультурно-деятельностного подхода более 10 лет осуществляется исследовательская программа «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Разработан инструментарий «Социокультурный портрет региона», с помощью которого созданы «портреты» почти трети регионов России. В последнее время они сосредоточены на проблемах модернизации и позволили сделать выводы о спонтанном и фрагментарном, противоречивом характере российской модернизации. В итоге осуществлена пространственная систематизация тенденций и проблем социоэкономической и социокультурной модернизации в регионах, дифференцированно по федеральным округам Российской Федерации⁷.

Это создало предпосылки для постановки новой конструктивной задачи – выявить возможности частичного регулирования проблемного поля преимущественно спонтанной модернизации в России, ее регионах и муниципальных образованиях, в том числе через законодательно закрепленную систему стратегического планирования.

Элементы российской модернизации как предметы исследования

Вначале необходимо уточнить изучаемые элементы проблемного поля российской модернизации, которое выше было охарактеризовано как преимущественно спонтанное, объективно-субъективное, определить эти элементы как *предметы* теоретического и эмпирического исследования. Это необходимо делать в контексте основной его проблемы, которую я определил как двойное противоречие, или взаимосвязь двух противоречий: с одной стороны, опасная рассогласованность главных компонент модернизации, а с другой – взаимное непонимание между индивидами и социокультурными стратами общества, недоверие между населением и институтами исполнительной власти.

Первое противоречие включает четыре главные компоненты модернизации. Они являются преимущественно *объективными* элементами

предмета изучения. Две из них, социоэкономическая и социокультурная, достаточно операционализированы в названной инструментарии китайских коллег (ЦИМ АНК), а применительно к России удовлетворительно измерены и пространственно систематизированы участниками нашей исследовательской Программы, о чем было сказано выше. Значительно менее ясны состояние и тенденции эволюции двух других компонент – технико-технологической и институционально-регулятивной. Первая из них, технико-технологическая компонента, остается неясной из-за отсутствия необходимых показателей в российской статистике, имеющиеся показатели позволяют делать, скорее, косвенные оценки их состояния и тенденций. Вторая, институционально-регулятивная компонента, вообще трудно поддается измерениям: среди специалистов нет консенсуса относительно совокупности ее показателей, хотя имеется обширная литература о содержании, проблемах и тенденциях этой компоненты. Требуется разработать и применить инструментарий измерения или надежной оценки состояния, тенденций и проблем этих двух компонент, который позволит достаточно определенно судить о степени согласованности/рассогласованности всех четырех компонент модернизации регионов и России в целом.

Другой, *субъективной* составляющей данного предмета служат ценности и интересы индивидов, социальных и социокультурных страт, которые способствуют или препятствуют функционированию и развитию каждой компоненты модернизации. Известны социологические методы измерения этой составляющей, которые целесообразно использовать.

Следовательно, предмет № 1 исследований – это состояние четырех главных компонент модернизации, измерение (оценка) которого позволит комплексно представить их опасные рассогласованности. Главная *методологическая задача* состоит в разработке недостающих звеньев инструментария и их применении вместе с имеющимися его звеньями. Предмет и методология его изучения образуют направление № 1 исследований проблемного поля модернизации.

Предметом № 2 исследований будет состояние взаимопонимания/непонимания между индивидами, социальными и социокультурными стратами в современном российском обществе, его тенденции и проблемы. Этот предмет также мало изучен или изучен лишь косвенно (состояние доверия – недоверия, к тому же скорее узко психологически или социолого-статистически, чем на уровне социально значимых коммуникационных структур).

В качестве первичных объектов изучения этой проблематики целесообразно рассматривать *жизненные миры* населения. С удовлетворением можно отметить появление первого в России комплексного исследования данного объекта: «Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.)»⁸. В нем использован многоуровневый инструментарий (индивид – семья – организация – поселение –

регион – страна), учитывающий основные сферы жизнедеятельности людей (работа, материальное положение, политика, семья и друзья, здоровье, культура и досуг, отношение к будущему). При изучении проблемного поля модернизации желательно конкретизировать содержание жизненных миров населения муниципальных образований в контексте процессов модернизации, которые там осуществляются в виде инновационных проектов. Требуется выбрать муниципалитеты (города, сельские поселения), в которых осуществляются такие проекты, и выявить наиболее значимые узлы взаимопонимания (и непонимания) между участниками проектов.

При этом следует учитывать, что обеспечение взаимопонимания людей в их коммуникационных взаимодействиях составляет основную социокультурную функцию жизненного мира. Препятствием для осуществления этой функции является тот факт, что в современном обществе регион выступает как асимметричное сообщество, в котором символы, ценности и нормы макросоциальных структур, прежде всего социетальных институтов, доминируют над символами, ценностями и нормами поселенческих общностей⁹. Мера этого доминирования в разных регионах зависит от самих жизненных миров и культуры цивилизаций: когда в странах западной цивилизации «под угрозой оказываются общие функции символического воспроизводства жизненного мира, он оказывает упорное сопротивление и успешно удерживает линию фронта между собой и системой»¹⁰. Предстоит выяснить, как обстоит дело в России и ее цивилизации.

Смысловую основу взаимопонимания образует структура ценностей населения – членов поселенческих общностей и всего региона. Она формируется на стыке двух потоков ценностей: с одной стороны, большое общество, государство, их институты и организации транслируют в регионы ценности, которым свойственна формальная рациональность; с другой стороны, цивилизация, поселенческие общности наполняют социокультурное пространство регионов ценностями, которые обладают субстанциальной (изначально присущей им) рациональностью¹¹. Происходит столкновение двух типов рациональности ценностей. Особую сложность и остроту оно приобрело в современной России, которая находится в состоянии трансформации, характеризующейся высокой неопределенностью векторов и множественными рисками в большинстве сфер жизнедеятельности (сложилось поляризованное общество рисков). Такое общество стало источником нескольких потоков формально рациональных ценностей.

В этих условиях исключительно сложная задача по обеспечению взаимопонимания легла на жизненные миры населения муниципалитетов. Эволюционное (не антагонистически-революционное) решение этой задачи оказалось возможным благодаря «суровому жизненному опыту», или «цивилизации суровой истории», который сформировал характерную для россиян *толерантность* – именно как способ *практической рационализации* отношения к потокам ценностей. Это «особая, кризисная рациональность, достаточно далекая от расчета, не сводимая к просчитыванию возможных

вариантов будущего и выбору оптимального. Рациональность не рассудка, а мудрости, основы которой закладывали еще Екклезиаст и Иов»¹². На этой почве возник коллективно-бессознательный консенсус по отношению к разнородным ценностям — как практически взаимоприемлемым и потому образующим не конфликтное противоборство, а толерантный симбиоз.

Толерантный симбиоз культурно разнородных ценностей стал практическим ответом жизненных миров россиян на аксиологический вызов трансформирующегося общества. Это результат практической рациональности коммуникационных взаимодействий жителей городов и сел, поселенческих общностей как первичных территориальных структур регионов. Доминирование социальных структур обуславливает сходство функциональных структур ценностей регионов (интегрирующего и дифференцирующего кластеров ценностей) с общероссийской структурой ценностей. Вместе с тем разнообразие историко-культурных особенностей регионов России выражается в различиях уровней поддержки культурно разнородных ценностей населением конкретных регионов. Этим объясняются *различия* детализированной структуры *региональных симбиозов* ценностей и формирующихся на их основе культурно-нормативных *императивов поведения* населения регионов.

Таким образом, социально значимые узлы взаимопониманий и непониманий между индивидами и социокультурными стратами муниципалитетов, их связи с успешностью или неуспешностью инновационных проектов, методы изучения этих узлов и их модернизационной нагруженности образуют **направление 2** изучения проблемного поля модернизации.

Наконец, взаимосвязи между рассогласованностями главных компонент модернизации и интересами соответствующих субъектов, с одной стороны, и узлами взаимопониманий (непониманий), с другой, составляют предмет (направление) 3 изучаемого объекта. Это наименее ясная область исследований: в ней перемножаются неопределенности первых двух предметов, или направлений.

Как известно, в социологии имеются две основные группы методологических подходов: представители одной из них (позитивизм, структурный функционализм, материалистическое понимание истории) изучают объективные, прежде всего материальные процессы и проблемы, а представители другой группы (понимающая социология, феноменологическая социология, символический интеракционизм, этнометодология) концентрируют внимание на субъективных факторах социальных процессов, на межличностных взаимодействиях, интерпретируемых как рефлексивное социальное. Эти направления противоборствуют, обособляют предметы своих исследований. В результате остаются слабоизученными новые, объективно-субъективные проблемные поля, все шире распространяющиеся в XXI столетии в условиях глобализации, интернет-технологий и формирования общества знания.

Можно надеяться, что результаты пилотажных исследований по первым двум направлениям позволят снизить существующую неопре-

деленность и сформировать разведывательный план исследований по третьему направлению, включая предварительные гипотезы.

Проектирование частичного регулирования модернизации и потенциал программы конструктивного реализма

По-видимому, для решения задач второго и третьего направлений исследования целесообразно обратиться к потенциалу эпистемологической программы *конструктивного реализма*. Академик В.А. Лекторский дал ей такую характеристику: «Концепция конструктивного реализма представляется мне наиболее перспективной и современной. Это не просто разновидность эпистемологического реализма. Это целая программа исследований познания, подкрепленная экспериментами, программа, серьезно повлиявшая на когнитивную науку в целом и определившая третий, современный этап ее развития. Эта позиция в некоторых отношениях снимает старое противостояние реализма и конструктивизма»¹³. Как отмечает В.А. Лекторский, на ее становление повлияли работы по исследованию восприятия как деятельности, которая и служит способом контакта человека с миром, выполненные в 70–80-е гг. XX в. американским психологом Дж. Гибсоном. Затем, благодаря работам Р. Харре и других исследователей стало ясно, что эта позиция не ограничивается психологией, а имеет значение для познания широкого круга социальных объектов (социальных институтов и др.) как в некотором смысле конструкций. «В рамках эпистемологической установки конструктивного реализма развиваются и другие популярные сегодня теории: концепция общества как коммуникативной системы Н. Лумана, акторно-сетевая теория Латерна... культурно-историческая теория деятельности финско-американского психолога Ю. Энгештрёма... Разработка деятельностного подхода в философии, методологии, науках о человеке имеет большую традицию в нашей стране... Сегодня эти разработки можно истолковать именно в духе конструктивного реализма, они востребованы современной эпистемологией, когнитивной наукой, науками о человеке. Развитие этих исследований в современном контексте имеет хорошие перспективы»¹⁴.

Я разделяю эту позицию и уверен, что эпистемологический потенциал конструктивного реализма можно продуктивно использовать при проектировании способов частичного регулирования спонтанных процессов модернизации в России и ее регионах. Убежден, что в России проектирование желательно ориентировать на *гуманистическую перспективу* модернизации. Ряд целевых ориентиров такого проектирования и регулирования сформулирован в новой «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹⁵. Перед исследователями возникает задача конкретизировать целевые ориентиры и обосновать способы их достижения: выяснить, по каким критериям и какие группы факторов проблемного поля российской модернизации предпочтительнее регулировать на современном этапе — объективные условия жизнедеятельности субъектов

модернизации или характеристики самих субъектов (их ценности и нормы, каналы коммуникаций, состояние взаимопонимания, социального самочувствия и т.д.)? Или же предпочтительнее будут комбинации разных групп факторов, поэтапно меняющиеся в зависимости от конкретной стадии модернизации или ее фазы, с учетом цивилизационно-культурных особенностей регионов. Важно четко определить возможности профилактического регулирования опасных рассогласований главных компонент российской модернизации на современном ее этапе, включая согласование интересов и повышение взаимопонимания ее субъектов.

Особую задачу составляет уяснение и использование способов включения результатов научных разработок в процессы подготовки и принятия управленческих решений, обеспечивающих частичное регулирование процессов модернизации в России, ее регионах и муниципальных образованиях. Для решения этой задачи целесообразно использовать совокупность организационных форм, систематизированных в федеральном законе о стратегическом планировании¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Такое понимание *модернизации* разрабатывает руководитель Центра исследований модернизации Академии наук Китая (ЦИМ АНК), профессор Хэ Чуаньци (отв. ред.) (см.: Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). – М.: Весь мир, 2011. Ч. 1. Разд. II. Связь между человеческой цивилизацией и модернизацией).

Свое понимание *цивилизации* как способа жизнеустройства больших сообществ людей я изложил в статье «Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии»: часть 1 – «Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей» и часть 2 – «Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России» (Вопросы философии. 2015. № 4, 6).

² Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 31 декабря.

³ См.: Юдин Э.Г. Принцип и функции категории деятельности // Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: УРСС, 1997. С. 245–251.

⁴ Юдин Э.Г. Эволюция понятия деятельности в истории мышления // Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. С. 266.

⁵ См.: Лапин Н.И., Пригожин А.И., Сазонов Б.В., Толстой В.С. Нововведения в организациях (Общая часть исследовательской программы) // Структура инновационного процесса. Труды конференции. – М.: ВНИИСИ, 1981. С. 7–12. См. также: Лапин Н.И. Инновация как деятельность // Лапин Н.И. Теория и практика инноватики: учеб. пособие. – М.: Логос, 2008. Глава 2.

⁶ О содержании этой интерпретации подробнее см.: Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход // Лапин Н.И. Общая социология: учеб. пособие. 2-е изд. – М.: Высшая школа, 2009. С. 29–40.

⁷ Подробнее см.: «Социоэкономическая и социокультурная модернизация»: цикл статей в журнале «Социологические исследования» (2015. № 1–3).

⁸ Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М., 2016.

⁹ См.: Coleman J.S. *The Asymmetric Society*. – Syracuse, N. Y.: Syracuse University Press, 1982. Характеристику концепции «асимметричного общества» Дж. Коулмена см.: Кравченко С.А. Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. – М.: МГИМО, 2006. Гл. 4.

¹⁰ Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теоретическая социология: антология. – М.: Университет, 2002. Ч. 2. С. 265.

¹¹ О субстациональном и формальном, теоретическом и практическом типах рациональности см.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранное. – М.: Прогресс, 1990.

¹² См.: Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? – М.: УРСС, 1999. С. 51.

¹³ Лекторский В.А. Конструктивный реализм. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Человек в мире знания. К 80-летию Владислава Александровича Лекторского. – М.: РОССПЭН, 2012. С. 440.

¹⁴ Там же. С. 448.

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 31 декабря.

¹⁶ Федеральный закон № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

REFERENCES

China Modernization Report Outlook (2001-2010). He Chuangi (ed.). Moscow, Ves Mir, 2011 (in Russian). Part one, section II: “The relationship between human civilization and modernization”.

Coleman J.S. *The Asymmetric Society*. Syracuse, New York, Syracuse University Press, 1982.

Decree of the President of the Russian Federation dated December 31, 2015, no 683 «National security strategy of the Russian Federation». In: Rossiyskaya Gazeta. 2015. 31 December (in Russian).

Federal law “On strategic planning in the Russian Federation” No 172-FZ dated June 28, 2014 (in Russian).

Habermas J. The Relationship between system and Lifeworld in the conditions of late capitalism. In: *Theoretical Sociology: an anthology*. Moscow, University, 2002 (Russian trans.).

Kravchenko S.A. *Nonlinear and sociocultural dynamics: Igraizacionnal approach*. Moscow, Moscow State Institute of International Relations, 2006 (in Russian).

Lapin N.I. Antroposocietale approach. In: Lapin N.I. *General sociology*. Tutorial. 2nd ed. Moscow, Vysshaya shkola, 2009, pp. 29-40 (in Russian).

Lapin N.I. Innovation as an activity. In: Lapin N.I. *Theory and practice of innovation*. Tutorial. Moscow, Logos, 2008. Chapter 2 (in Russian).

Lapin N.I. The fundamental values of civilization in XXI century. In: *Voprosy filosofii*. 2015. No 4 and 6 (in Russian).

Lapin N.I., Prigogine A.I., Sazonov B.V., Tolstoy V.S. Innovations in organizations (General research programme). In: *Structure of the innovation process. Conference proceedings*. Moscow, 1981, pp. 7-12 (in Russian).

Lektorsky V.A. Constructive realism. Realism, antirealism, constructivism and constructive realism in contemporary epistemology and science. In: *Man in the world of knowledge. To 80th anniversary of Vladislav Alexandrovich Lektorsky*. Moscow, 2012 (in Russian).

Lifeworld Russians: 25 years later (late 1980's-mid 2010). J.T. Toshchenko (ed.). Moscow, 2016. 367 p. (in Russian).

Naumova N.F. *Recurrent modernization in Russia: is it misfortune, fault or resource of Mankind?* Moscow, URSS, 1999 (in Russian).

Weber M. Politics as a vocation and profession. In: Weber M. Selected Works. Favorites. Moscow, Progress, 1990 (Russian trans.).

Yudin E.G. The principle and function of the activity categories. Evolution of the concept of activity in the history of thinking. In: Yudin E.G. Methodology of science. Consistency. Activity. Moscow, URSS, 1997, pp. 245-251 (in Russian).

Аннотация

В статье впервые представлены эпистемологические характеристики проблем модернизации в России и ее регионах как объективно-субъективного проблемного поля. Выделена его основная проблема, которая включает двойное противоречие, или взаимосвязь двух противоречий: с одной стороны, опасная рассогласованность главных компонент модернизации, а с другой – взаимное непонимание между индивидами и социокультурными структурами общества, недоверие населения к институтам власти. Показано, что изучение этой проблемы и проблемного поля в целом требует адекватных методологических подходов. Предложена взаимосвязанная совокупность таких подходов: деятельностный, системный и социокультурно-деятельностный. Выявлены ключевые элементы проблемного поля модернизации как основные предметы или направления его исследования. Рассмотрен потенциал программы конструктивного реализма в контексте проектирования способов регулирования модернизации в России.

Ключевые слова: модернизация, объективно-субъективное проблемное поле модернизации, классические и постклассические подходы к его изучению.

Summary

The article presents for the first time epistemological characteristics of modernization in Russia and its regions as objective-subjective problematic field. It is highlighted the basic problem that includes a double contradiction, or the interaction of two contradictions: on the one hand, a dangerous mismatch of main components of modernization, and on the other hand, mutual misunderstandings between individuals and sociocultural strats of society distrust institutions. The author shows that the study of this problem and problemftic field generally require adequate methodological approaches. He proposes a set of interrelated approaches: activity, system and sociocultural activity. The key elements reveale problematic field of modernization as core subjects or areas of study. The article considers the potential of constructive realism programme in the context of designing ways of Russia modernization regulation.

Keywords: modernization, objective-subjective problematic field of modernization, classic and post-classic approaches to the study of modernization.